

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕРАВЕНСТВА

НЕРАВЕНСТВО В ВОСПРИЯТИИ (У)ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Арсений Максимович Веркеев (averkeev@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Веркеев А.М. (2021) Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(3): 169–192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.8>

Аннотация. Представьте, что вы идете домой по темной улице. Насколько безопасно вы себя чувствуете? Это один из множества вопросов, различия в ответах на которые составляют предмет исследований субъективной безопасности. Являясь одним из показателей качества жизни и благополучия населения, субъективная безопасность получает много внимания от социальных ученых и практиков, однако в России это направление остается недостаточно развитым. Статья с помощью регрессионного анализа обращается к вопросу о характере связей между социально-демографическими параметрами населения России (независимые переменные) и восприятием уличной безопасности (зависимая переменная). Используются четыре репрезентативные для страны выборки, полученные в 2010 и 2016 гг. Источниками выступают два опросных проекта: Европейское социальное исследование (ESS) и Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Опора на эти источники позволяет сопоставить данные и преодолеть ограничения предыдущих исследований восприятия безопасности в России, использовавших невероятностные выборки. Результаты говорят о том, что, несмотря на снижение общего уровня ощущений небезопасности, в России остается стабильным неравенство в восприятии безопасности между разными социальными группами. О более выраженном чувстве небезопасности после наступления темноты в собственном районе проживания сообщают чаще женщины, жители городов, люди старшего возраста, люди, низко оценивающие свое здоровье, люди, сталкивавшиеся с преступностью. Стабильной связи чувства небезопасности с уровнем образования не обнаружено. Рассматриваются также интерактивные эффекты возраста и гендера и нелинейные эффекты возраста. Молодые мужчины наименее подвержены ощущениям небезопасности. У мужчин старшего возраста повышено чувство небезопасности в сравнении с молодыми мужчинами, а женщины старшего возраста в этом не отличаются от молодых женщин.

Ключевые слова: уличная безопасность, восприятие безопасности, субъективная безопасность, виктимизация, страх перед преступностью, социальное неравенство, социальная незащищенность.

То, как люди воспринимают свою личную безопасность, можно изучать в связи с самыми разными типами угроз. Пласт исследований субъективной безопасности, ключевой для этой статьи, сосредоточен на угрозах здоровью или имуществу, исходящих от других людей, — угрозах преступного характера. Это крупная междисциплинарная область, расположенная на пересечении социологии и криминологии, встроенная в научные и прикладные дискуссии о социальном неравенстве, субъективном благополучии и качестве жизни.

Целью статьи является проверка ряда известных в литературе гипотез, которые до сих пор не были рассмотрены на российском материале в полной мере. Представляется, что в ситуации недостаточно развитой дискуссии о субъективной безопасности важна именно проверка базовых предположений и построение общей картины с опорой на всероссийские выборки. Лучше всего сделать это с привлечением тех источников данных, которые, будучи доступными долгое время, не получали должного внимания со стороны исследователей восприятия безопасности в России — Европейское социальное исследование (European Social Survey, ESS) и Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics, RLMS-HSE). Анализ этих данных может послужить основой для более сфокусированных исследований, останавливающихся на конкретных аспектах восприятия безопасности или на отдельных социальных группах.

Как нетрудно заметить, категории безопасности и опасности (небезопасности) антонимичны. Одна означает автоматическое отсутствие другой, если речь об одном источнике угрозы. Сложно понять, какая из этих категорий требует большего акцента, но в литературе сложилась конвенция фокусироваться именно на чувстве небезопасности (предсказывать чувство небезопасности методом регрессии), и автор статьи ей следует.

Подходы к изучению восприятия безопасности и исследовательские гипотезы

Современные исследования субъективной безопасности берут свое начало в США 1960-х годов. Тогда активно разворачивалась политика «войны с преступностью», нуждавшаяся в эмпирических, научных основаниях. Для оценки прямого воздействия преступности на население были разработаны виктимизационные опросы (опросы жертв преступлений), позволившие оценивать уровень нерегистрируемой государством преступности, так называемой латентной преступности. Для оценки же

непрямого воздействия преступности на население была введена категория страха перед преступностью и сделаны первые попытки эмпирического измерения такого воздействия с помощью опросов.

Институт Гэллага с 1965 г. стал использовать вопрос о страхе перед преступностью в следующей формулировке, предполагающей ответ в виде порядковой категории: «Насколько безопасно вы чувствуете или почувствовали бы себя, находясь одни в своем районе после наступления темноты?» (Baumer, DuBow 1977). Сегодня этот вопрос в разных вариациях активно используется как в виктимизационных опросах, так и в опросных проектах самой разной направленности. Заметим, однако, что в этом вопросе нет ни слова о преступности, а также ни слова о страхе — понятиях, которые и составляют термин «страх перед преступностью». Не используются и никакие синонимичные понятия. Такой вопрос может измерять разве что то, насколько у респондента превалирует ощущение личной безопасности в темное время суток на улице его района. Поэтому исследователи стали обращать внимание на рассогласованность между термином «страх перед преступностью» и эмпирическим индикатором, говорить о необходимости выделения чувства (не)безопасности в отдельную категорию, лишь косвенно связанную с уличной преступностью (Baumer, DuBow 1977; Ferraro, LaGrange 1987).

Однако некоторые авторы продолжают говорить о вопросе про темные улицы как об индикаторе страха перед преступностью (Hummelsheim et al. 2011; Kujala et al. 2019), что нельзя считать вполне корректным. Другие авторы пытаются разрешить неопределенность в использовании индикаторов не с помощью их аналитического разделения, а путем объединения. Так, ряд исследователей обращается к конструированию аддитивных индексов из нескольких переменных, основанных на вопросах о безопасности и страхе перед разными видами преступлений (Barni et al. 2016; Vauclair, Bratanova 2017). Но при таком подходе есть риск получить размытое понимание относительно того, что же именно измеряется.

Так или иначе, вопрос о восприятии безопасности в темное время суток получил отдельную интерпретацию. А для измерения именно страха перед преступностью стали использоваться другие формулировки, прямо указывающие на опасения стать жертвой тех или иных видов преступлений. Таким образом сформировался набор типовых индикаторов, отличающихся в разных опросных проектах и по-разному используемых в исследованиях, которые можно тем не менее объединить под зонтичным понятием субъективной безопасности.

В силу этих различий в исследовательской практике надо проговорить, что наша статья следует по пути аналитического разделения концептов.

В фокусе находится концепт чувства небезопасности, к которому относится индикатор в виде вопроса о безопасности в темное время суток на улице в районе проживания респондента. То есть речь идет о личном восприятии уличной безопасности, а страх перед преступностью как таковой не рассматривается. Но поскольку используемый анкетный вопрос частью авторов трактуется как индикатор страха перед преступностью, статья частично опирается на их исследования, результаты которых оказываются релевантны несмотря на концептуальные отличия.

Итак, зачем изучать субъективную безопасность, если можно получить данные об объективной (из виктимизационных опросов или правовой статистики)? Начнем с того, что «объективная» безопасность тоже продукт эмпирического измерения, подверженный различным искажениям на этапе сбора данных, что заставляет думать о ней как о субъективной, но в ином смысле. Далее остановимся на том, в чем состоит важность субъективной безопасности. Дело в том, что люди, чаще чувствующие себя небезопасно в каких-либо ситуациях, вынуждены использовать свои ресурсы для преодоления опасений. Действует механизм теоремы Томаса: восприятие людьми собственной безопасности как низкой влияет на их реальное поведение вне зависимости от того, угрожает им опасность на самом деле или нет. Именно поэтому оказание услуг по обеспечению безопасности связано не столько с физической силовой защитой, сколько с управлением ожиданиями как объекта защиты, так и акторов, представляющих для него угрозу (Волков 2012: 75–76). Иначе говоря, если риск оценивается как высокий, это влечет за собой затраты на обеспечение безопасности даже тогда, когда реальной угрозы нет.

К издержкам чувства небезопасности относятся эмоциональные затраты (беспокойство, тревога), траты времени (изменение маршрута или способа перемещения с целью избежать потенциально опасных мест), прямые финансовые траты (оплата транспорта, средств самообороны), когнитивные затраты на принятие решений, направленных на повышение безопасности, и др. О присутствии таких издержек и их влиянии на жизненный опыт людей свидетельствуют качественные исследования (Stanko 1995; Valentine 1992), в том числе в условиях российского города (Багина 2019). Распространенность чувства небезопасности и его неравное распределение между социальными группами фиксируют количественные исследования. Они показывают, что в зависимости от социально-экономического положения человека уровень его субъективной безопасности может сильно варьироваться, и есть достаточно устойчивые закономерности.

Какие же есть паттерны в распределении ощущений безопасности в обществе? Пожалуй, первым на ум приходит гендерный аспект, и это

неслучайно: различия в восприятии безопасности между людьми с разной гендерной идентичностью можно считать предметом самостоятельного исследовательского поля. Для настоящей статьи наиболее важно указать на то, что количественные исследования стабильно показывают, что женщины в сравнении с мужчинами при прочих равных условиях более склонны отвечать, что чувствуют себя небезопасно на улице в темное время суток. Об этом говорят работы на данных ESS (Hummelsheim et al. 2011; Semyonov et al. 2012; Visser et al. 2013), как и исследования на американских данных (Rader et al. 2012). Отсюда следует *гипотеза 1: уровень чувства небезопасности выше у женщин в сравнении с мужчинами.*

В результатах многих исследований мы увидим, что с увеличением возраста респондентов чувство небезопасности также растет (Visser et al. 2013). Это ведет к *гипотезе 2: уровень чувства небезопасности связан положительно с возрастом.* Однако эта связь необязательно линейна: люди на разных этапах жизни обладают разной уязвимостью, доступом к ресурсам, сталкиваются с разными общественными ожиданиями. Можно предполагать, что это отразится и на уровне восприятия собственной защищенности. Некоторые работы действительно свидетельствуют о нелинейной связи между чувством небезопасности и возрастом (Krucichová 2019: 199). Наиболее логичным выглядит предположение о U-образной связи, т.е. наименее защищенными должны оказаться самые младшие и самые старшие группы в сравнении с людьми среднего возраста (Reese 2009: 67). В настоящей статье сделана попытка учесть возможный нелинейный эффект возраста, вспомогательный по отношению к основным результатам. Также учтен эффект взаимодействия возраста и гендера: связь чувства небезопасности и возраста может быть опосредована гендерными особенностями.

Согласно литературе, обычное предположение заключается в том, что с повышением уровня образования чувство небезопасности снижается. Уровень образования выступает как прокси социальной интегрированности, из чего следует *гипотеза 3: уровень чувства небезопасности связан отрицательно с уровнем образования.* Также предполагается, что люди, заявляющие о том, что у них плохое здоровье, более склонны к чувству небезопасности, чем те, кто говорит о хорошем здоровье, что связано с их представлениями о собственной уязвимости (Rader et al. 2012). Отсюда *гипотеза 4: уровень чувства небезопасности связан отрицательно с уровнем субъективного здоровья.* Наличие виктимного опыта (опыта становления жертвой преступления) тоже, как ожидается, должно быть связано с повышенным чувством небезопасности (Visser et al. 2013). Здесь релевантный опыт столкновения с опасностью выступает как дополнительная

информация, которую люди могут учитывать при оценке своей безопасности. Это подводит нас к гипотезе 5: *уровень чувства небезопасности выше при наличии опыта виктимизации в сравнении с его отсутствием*. Наконец, распространенный результат состоит в том, что жители крупных городов чувствуют себя на улице менее безопасно, чем жители сел (Krucichová 2019: 199; Visser et al. 2013). Отсюда гипотеза 6: *уровень чувства небезопасности выше у жителей больших городов в сравнении с жителями малых городов и сельской местности*.

В России проблема субъективной безопасности остается недостаточно изученной. Российские данные ESS и других проектов включаются в кросс-страновые исследования не всегда, а если включаются, то результаты для России подробно не обсуждаются (Barni et al. 2016; Vauclair, Bratanova 2017). Прочие наборы данных, которые потенциально могут быть использованы для изучения субъективной безопасности в России, имеют ряд ограничений. Это известно из работ, которые используют субъективную безопасность как независимую переменную для оценки связей с другими индикаторами, касающимися сферы безопасности и правоохраны. К примеру, вопрос об опасениях по поводу нахождения в районе проживания задавался в одном опросе в 2009 г. (Wheelock et al. 2011), однако он не репрезентировал население страны, опираясь на небольшую невероятностную выборку жителей Волгоградской области. Вопрос о безопасности нахождения ночью на улице использовался в 2017 г. в опросе студентов вузов трех российских городов (Гурина 2019), но эти данные также нерепрезентативны для всего населения.

Вместе с этим кейс России привлекателен наличием сразу двух источников высококачественных данных о субъективной безопасности: помимо российских волн ESS, это данные RLMS-HSE, одного из ведущих опросных проектов страны. Немногие работы о субъективной безопасности на данных RLMS-HSE остаются в основном описательными и не используют методы статистического моделирования, концентрируясь на динамике изменения отдельных показателей и таблицах сопряженности (Козырева, Смирнов 2019). Наша статья расширяет перспективу, опираясь на метод регрессии и осуществляя триангуляцию данных, благодаря чем-то выборкам из двух разных источников.

Данные и методы

Статья опирается на вторичные опросные данные, на протяжении многих лет собираемые опытными исследовательскими коллективами. ESS — это международный опросный проект, учрежденный в 2001 г. Он охватывает большинство европейских стран и проводится раз в два года.

Статьи о субъективной безопасности в Европе часто опираются на данные ESS и многоуровневое регрессионное моделирование, учитывающее страновой контекст. В то же время ESS — это набор выборок, репрезентативных для каждой страны-участницы, а значит возможно сфокусированное изучение каждой из стран. Опросный проект RLMS-HSE существует с 1994 г. и реализует репрезентативную выборку населения России ежегодно. Оба опроса проводятся методом личного интервью на дому. Деагрегированные данные обоих опросов находятся в открытом доступе в интернете¹. Для анализа взяты данные за 2010 и 2016 гг. (российские выборки 5-й и 8-й волны ESS; 19-я и 25-я волны RLMS), поскольку только в эти годы вопрос о чувстве небезопасности задавался в обоих опросах одновременно в идентичные полевые периоды. Все расчеты выполнены автором на языке статистического программирования R.

В качестве метода применяется линейная регрессия. Метод регрессии позволяет оценивать связь между зависимой переменной и многими независимыми переменными, учитывая их все в одной модели. Зависимая переменная — ответы на вопрос о чувстве небезопасности. В ESS и RLMS-HSE он сформулирован в одном ключе, но есть разница в порядке содержательных частей. В ESS вопрос начинается с понятия безопасности, за которым следует ситуация прогулки в темное время суток. В RLMS-HSE, напротив, ситуация предлагается респонденту вначале, а затем вводится понятие безопасности. Хотя формулировки не в точности одинаковые, они идентичны: различия не касаются смыслового содержания вопроса. К тому же варианты ответов одинаковы (табл. 1). В анализе переменная имеет четыре значения: чем больше значение, тем сильнее выражено чувство небезопасности. Средний процент пропущенных значений (не-ответов) по этой переменной для четырех выборок равен 2,6 (см. рис. 1).

¹ ESS Round 5: European Social Survey Round 5 Data (2010). Data file edition 3.4. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. doi:10.21338/NSD-ESS5-2010; ESS Round 8: European Social Survey Round 8 Data (2016). Data file edition 2.1. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. doi:10.21338/NSD-ESS8-2016; «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Таблица 1

Формулировки вопросов и закрытий в ESS и RLMS-HSE

Переменные	Вопросы в ESS	Закрытия в ESS	Вопросы в RLMS-HSE	Закрытия в RLMS-HSE
Чувство небезопасности	Насколько безопасно вы чувствуете или почувствовали бы себя, когда идете в одиночестве в том районе, где вы живете, после наступления темноты? Вы чувствуете или почувствовали бы себя...	1. В полной безопасности 2. В относительной безопасности 3. Небезопасно 4. Совсем небезопасно	Представьте, что вы идете (один/одна) <i>(в одиночестве — 2010)</i> после наступления темноты в том районе, где вы живете. Насколько безопасно вы себя чувствуете в такой ситуации?	1. В полной безопасности 2. В относительной безопасности 3. Небезопасно 4. Совсем небезопасно
Субъективное здоровье	Как вы оцениваете состояние своего здоровья в целом? По вашему мнению, оно...	1. Очень хорошее 2. Хорошее 3. Среднее 4. Плохое 5. Совсем плохое	Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете ваше здоровье?	1. Очень хорошее 2. Хорошее 3. Среднее, не хуже, но и не плохое 4. Плохое 5. Совсем плохое
Виктимизация	Были ли случаи за последние 5 лет, когда вы или члены вашей семьи стали жертвами грабежа или нападения, насилия?	1. Да, были случаи 2. Нет	В течение последних 5 лет случилось так, что вы или члены вашей семьи становились жертвами грабежа, нападения или насилия?	1. Да 2. Нет
Место жительства	Какая из фраз на карточке наилучшим образом описывает место, где вы живете?	1. Большой город 2. Пригород или окраина большого города 3. Небольшой город или поселок городского типа 4. Деревня/село 5. Ферма или отдельный дом в сельской местности/ хутор	Заполняется авторами опроса	1. Областной центр 2. Город 3. ПГТ 4. Село

При отборе независимых переменных из двух источников стояла задача обеспечить их идентичность и, как следствие, сопоставимость результатов анализа на разных данных. Описание независимых переменных представлено ниже.

Гендер — женский или мужской. Возраст — число полных лет (были исключены люди младше 16 лет). Высшее образование — наличие законченного высшего образования. Субъективное здоровье — оценка состояния собственного здоровья по шкале из пяти вариантов. В анкетах варианты ответов идут от очень хорошего к очень плохому, переменная была перекодирована в обратном порядке. Виктимизация — наличие виктимного опыта у респондента или членов его семьи за пять лет, предшествующие интервью. В данном случае подразумевается опыт становления, по словам респондента, жертвой грабежа или нападения, что в ситуации интервью может подчеркивать тяжесть этих преступлений и их возможный уличный характер. В RLMS-HSE в 2016 г. вопроса о виктимизации не было.

Место жительства — в ESS и RLMS-HSE кодировка места жительства отличается по набору категорий и их смысловому наполнению. У ESS есть три главных отличия от RLMS (см. табл. 1). Во-первых, помимо села выделен вариант с отдельно стоящим домом в сельской местности, образующий пятую категорию (в RLMS-HSE их четыре). Во-вторых, изолирован вариант с пригородом большого города, а малый город и ПГТ, напротив, объединены в одну группу (в RLMS-HSE они разведены). В-третьих, в ESS есть прямой вопрос о месте жительства, а в RLMS-HSE тип поселения заполняется авторами опроса. При унификации переменных основной проблемой стало именно разграничение между городами и ПГТ. Решением, давшим сопоставимые распределения в обоих опросах, оказалось выделение трех категорий (табл. 2). В случае RLMS-HSE пришлось объединить город и ПГТ, так как они относятся к одной категории в ESS. Пригороды больших городов в ESS были отнесены к большим городам, а отдельные дома в сельской местности — к селам. Таким образом, три категории места жительства — это «большой город, его окраины», «город, ПГТ», «село».

Итак, есть два схожих источника данных об одной и той же генеральной совокупности в схожие временные периоды. Это позволяет говорить о триангуляции источников данных. Однако данные, полученные разными организациями, могут отличаться даже при схожести их наблюдаемых характеристик. Различия в эмпирических результатах, вызванные характеристиками организаций, собиравших данные, называют *house effects*, или эффекты опросной организации (Smith 1978). Как будет видно, в нашем случае можно говорить о таких различиях.

Таблица 2

Описательные статистики для четырех выборок (без наблюдений с не-ответами по зависимой переменной).
Для категориальных переменных указано число наблюдений по категориям и процент в выборке (в скобках).
Для количественных — арифметическое среднее и стандартное отклонение (в скобках)

Переменные	ESS, 2010 (n=2525) Поле: 24.12.10–14.05.11	RLMS-HSE, 2010 (n=13763) Поле: ...10.10–...03.11	ESS, 2016 (n=2396) Поле: 03.01.17–19.03.17	RLMS-HSE, 2016 (n=10086) Поле: ...10.16–...01.17
Чувство небезопасн. (1–4)				
Среднее (станд. откл.)	2.3 (0.8)	2.3 (0.9)	2 (0.8)	2.2 (0.9)
Гендер				
Мужской	1039 (41%)	5829 (42%)	1028 (43%)	4273 (42%)
Женский	1486 (59%)	7934 (58%)	1368 (57%)	5813 (58%)
Возраст				
Среднее (станд. откл.)	46.3 (18.4)	45.5 (18.1)	46.6 (18)	48.3 (18.5)
Медиана	45	45	44	48
Мин.-макс.	16–94	16–102	16–95	16–94
Высшее образование				
Нет	1836 (73%)	10666 (78%)	1601 (67%)	7457 (74%)
Да	689 (27%)	3095 (22%)	795 (33%)	2610 (26%)
NA	0	2	0	19
Субъективное здоровье (1–5)				
Среднее (станд. откл.)	3.2 (0.8)	3.2 (0.7)	3.3 (0.8)	3.2 (0.7)
NA	6	47	7	67

Окончание таблицы 2

Переменные	ESS, 2010 (n=2525) Поле: 24.12.10–14.05.11	RLMS-HSE, 2010 (n=13763) Поле: ...10.10–...03.11	ESS, 2016 (n=2396) Поле: 03.01.17–19.03.17	RLMS-HSE, 2016 (n=10086) Поле: ...10.16–...01.17
Виктимизация				
Нет	2137 (85%)	12661 (92%)	2089 (88%)	NA
Да	371 (15%)	1072 (8%)	274 (12%)	
NA	17	30	33	
Место жительства				
Большой город, его окраины	1070 (42%)	5470 (40%)	1050 (44%)	4126 (41%)
Город, ПГТ	882 (35%)	4518 (33%)	787 (33%)	3302 (33%)
Село	570 (23%)	3775 (27%)	552 (23%)	2658 (26%)
NA	3	0	7	0

Результаты

Ответы на вопрос о восприятии безопасности отличаются между двумя опросами: для части вариантов ответа отличие выходит за пределы ошибки выборки. Это особенно заметно в 2016 г. на примере категории «В относительной безопасности» (рис. 1). При этом оба опроса показывают снижение уровня чувства небезопасности (сумма значений по ответам «Небезопасно» и «Совсем небезопасно»). По данным ESS, он снижился с 46 % в 2006 г. до 35 % в 2010, и далее до 23 % в 2016 и 24 % в 2018². Согласно RLMS-HSE — с 36 % в 2010 г. до 29 % в 2016 и 28 % в 2017.

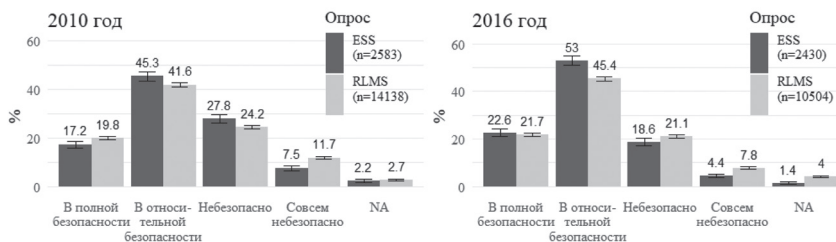

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о чувстве небезопасности в 2010 и 2016 гг. с доверительными интервалами 95 %

Несмотря на то что уровень чувства небезопасности по этим данным снижается, сохраняется его неравное распределение в обществе. Регрессионный анализ (табл. 3) позволил очертить границы наиболее уязвимых для этого неравенства групп, для которых оно оказалось устойчивым во времени, независимым от общей тенденции к снижению и от источника данных.

Результаты показывают, что во всех четырех выборках женщины значимо чаще заявляют о чувстве небезопасности, чем мужчины, что является прочной поддержкой *гипотезы 1*. Уровень чувства небезопасности также повышается вместе с возрастом во всех выборках, кроме одной, т.е. *гипотеза 2* находит поддержку в трех выборках.

Аддитивные модели (таблично не показаны; рис. 2) с квадратичной трансформацией возраста (полином) — это попытка учесть нелинейные эффекты возраста. Для данных RLMS-HSE есть рост чувства небезопасности у старшего возраста (с 50-ти лет). У младшего (моложе 30-ти) тоже

² Данные ESS за 2018 г. получены с сайта организатора ESS в России: Европейское социальное исследование в России. URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 25.07.2020).

Таблица 3
 Линейная регрессия с интерактивными эффектами, предсказывающая уровень чувства небезопасности (1–4)

Независимые переменные	ESS, 2010 (I)	RLMS-HSE, 2010 (II)	ESS, 2016 (III)	RLMS-HSE, 2016 (IV)
Гендер: женский	0.217*** (0.032)	0.487*** (0.015)	0.188*** (0.031)	0.352*** (0.017)
Возраст	0.119*** (0.028)	0.081*** (0.013)	0.009 (0.025)	0.034** (0.015)
Значения стандартизованы				
Высшее образование: да	0.089* (0.036)	-0.025 (0.018)	-0.009 (0.033)	-0.015 (0.019)
Субъективное здоровье (1–5)	-0.129*** (0.024)	-0.106*** (0.012)	-0.137*** (0.022)	-0.103*** (0.014)
От плохого к хорошему				
Виктимизация: да	0.352*** (0.044)	0.186*** (0.028)	0.419*** (0.048)	NA
Место жительства: город, ПГТ	-0.041 (0.036)	0.0005 (0.018)	-0.202*** (0.035)	0.062*** (0.020)
Опора: большой город, его окраины				
Место жительства: село	-0.515*** (0.041)	-0.194*** (0.019)	-0.248*** (0.040)	-0.261*** (0.021)
Опора: большой город, его окраины				
Гендер * Возраст	-0.117*** (0.033)	-0.052*** (0.016)	-0.060* (0.031)	0.005 (0.017)
Константа	2.192*** (0.033)	2.055*** (0.016)	2.020*** (0.032)	2.008*** (0.018)
Число наблюдений	2,499	13,686	2,352	10,000
Коэффициент детерминации R ²	0.139	0.107	0.090	0.085
Станд. откл. остатков (число степеней свободы)	0.777 (2490)	0.871 (3677)	0.735 (2343)	0.826 (9992)

Примечание: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01. Стандартные ошибки в скобках.

Рис. 2. Связь квадрата возраста (ось абсцисс) и чувства небезопасности (ось ординат), предельные эффекты

виден повышенный уровень, но менее выраженный. Связь U-образная, но асимметричная. Самыми привилегированными оказались люди примерно 30–50 лет.

С ESS ситуация сложнее. Для ESS 2010 г. эффект незначим, а для ESS 2016 г. есть значимая связь, обратная U-образной. Это различие между RLMS-HSE и ESS можно связать с упоминавшимися ранее эффектами опросной организации. Однако их подробное рассмотрение лежит за пределами статьи.

Интеракция квадрата возраста и гендера оказалась незначима для трех из четырех выборок (значима только для ESS 2010 г., таблично не показано). Иначе говоря, нет оснований полагать, что гендер существенно опосредует нелинейную связь возраста и чувства небезопасности. Было решено остановиться на линейных интерактивных эффектах.

Интерактивные эффекты возраста и гендера оказались значимы в 2010 г., но не в 2016. Из рисунка 3 следует, что, во-первых, почти нет различий в восприятии безопасности молодыми и пожилыми женщинами. Во-вторых, для пожилых людей разница между женщинами и мужчинами в восприятии безопасности меньше, чем между молодыми женщинами и мужчинами. В случае ESS разница исчезает уже к 60-ти годам. По RLMS-HSE пожилые мужчины подвержены чувству небезопасности меньше, чем по ESS (видно по наклону прямой), но также есть заметное сокращение

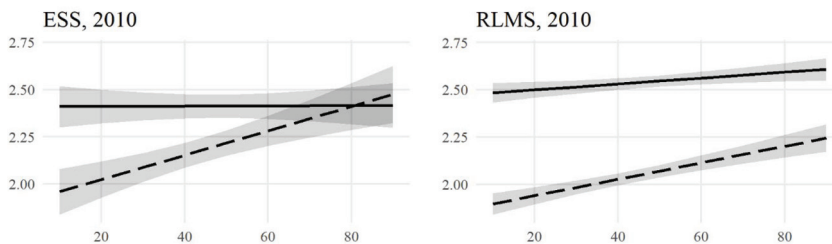

Рис. 3. Связь возраста (ось абсцисс) и чувства небезопасности (ось ординат), предельные эффекты. Сплошная линия — женщины, пунктирная — мужчины

разницы по мере старения. А вот чувство небезопасности у женщин в обоих случаях примерно на одном уровне.

Положительный эффект высшего образования значим лишь для ESS 2010 г. Учитывая отсутствие значимых связей в трех остальных моделях, не будем обсуждать эту переменную подробнее. *Гипотеза 3* об отрицательной связи между уровнем образования³ и чувством небезопасности не находит поддержки. Те, кто заявляет о более плохом здоровье, склонны говорить и о повышенном чувстве небезопасности, что согласуется с *гипотезой 4*. Наличие виктимного опыта связано с высоким чувством небезопасности, что поддерживает *гипотезу 5*. Имеет значение и место проживания: жители больших городов чувствуют себя менее безопасно, чем жители сельской местности, что говорит в пользу *гипотезы 6*. Однако устойчивой разницы между жителями больших городов и жителями малых городов и ПГТ не наблюдается.

Обсуждение результатов

О позитивной динамике показателя субъективной безопасности на данных RLMS-HSE говорилось и в предшествующих работах (Козырева, Смирнов 2019). Но стоит сделать важное уточнение, что это случай, когда вопрос о небезопасности задается вплотную всем респондентам. Опрос только тех респондентов, которые физически бывают на улице одни в темное время суток (доля таких респондентов — 62 % в 2013 г. и 74 % в 2019 г.), демонстрирует отсутствие динамики: о чувстве небезопасности

³ Сначала в модели включалась переменная «уровень образования» с тремя унифицированными для обоих опросов категориями. В отсутствие поддержки гипотезы она была заменена на биномиальную в итоговой версии модели.

заявили 39 % из них в 2013 г. и 42 % в 2019 г.⁴ Те, кто ходят по темным улицам регулярно, могут воспринимать заданную ситуацию как более привычную и менее опасную, в отличие от тех, кто темные вечера проводит дома за просмотром новостей и склонен к драматизации и завышению доли уличной и тяжкой преступности среди всей преступности (Chadee, Chadee 2016; Valentine 1992: 26). Возможно также, что ответы людей, в большей степени опирающихся на свой опыт, точнее отражают их ощущения и оказываются чуть ближе к «реальной» картине уличной безопасности. Таким образом, данные ESS и RLMS-HSE показывают снижение уровня чувства небезопасности в России, но надо помнить, что речь идет о всем населении, а не той его части, для которой этот вопрос может быть наиболее актуален.

Повышенный уровень чувства небезопасности у женщин и пожилых людей — ожидаемый для таких исследований результат (van Kesteren et al. 2000: 80). И нетрудно подумать, что за обоими характеристиками стоит нечто общее, а именно предположение о сравнительно большей уязвимости женщин в сравнении с мужчинами и пожилых в сравнении с молодыми. Иначе говоря, люди, относящие себя к группам, которые считаются уязвимыми в обществе, склонны заявлять о более высоком чувстве небезопасности (Rader et al. 2012). Это предположение распространяется также на виктимный опыт и здоровье.

Уязвимость подразделяют на социальную и физическую, т.е. связанную с социальными или физическими характеристиками человека (Rader et al. 2012). При этом ясно, что разделение условно и два типа взаимосвязаны. Так, виктимный опыт — это социальная уязвимость, связанная с приобретенным статусом жертвы, но он может вести и к ухудшению здоровья, т.е. к повышению физической уязвимости. Плохое здоровье, в свою очередь, зависит и от социального контекста, в котором конструируется само понятие здоровья, особенно когда речь о его субъективной оценке. Старший возраст может быть связан с воспринимаемой физической уязвимостью, но одновременно ассоциироваться с социальной защищенностью, нормами заботы о пожилых.

⁴ О безопасности на улице // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11066> (дата обращения: 15.06.2020); Чувство безопасности // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291> (дата обращения: 15.06.2020). Отметим, что были использованы дихотомические варианты ответа, тогда как в ESS и RLMS — выбор из четырех вариантов. Также вопрос не сфокусирован на районе проживания, в нем говорится об абстрактном пространстве улицы. Этим тоже может объясняться наблюдаемое различие в динамике.

В случае гендера можно говорить о том, что восприятие собственной уязвимости определяет полоролевая социализация, в процессе которой женщины усваивают установки, способствующие низкой оценке способностей постоять за себя, защититься от угроз, преодолеть неопределенность в целом. Более конкретное влияние выражается в том, что женщины, усвоившие в ходе социализации классификацию опасных и безопасных пространств (и необходимость избегать первых), определяют ситуацию присутствия на темной улице в одиночестве как поведение, способное навлечь негативные внешние санкции, оправданные заботой о безопасности и представляющие собой усиленный социальный контроль (Stanko 1995; Valentine 1992).

Разница в восприятии безопасности может объясняться и качественными различиями возможных угроз. Важным источником опасений для женщин является сексуальное насилие, тогда как для мужчин оно почти нерелевантно. Именно с этим различием может быть связан более высокий уровень чувства небезопасности и страха перед преступностью среди женщин (Ferraro 1996). Известен «парадокс»: женщины демонстрируют сравнительно более высокий уровень чувства небезопасности на улице, тогда как их реальные шансы стать жертвами уличного (а не домашнего) насилия ниже, чем у мужчин. Однако, несмотря на то что сексуальное насилие чаще происходит не в общественных местах, а в жилых помещениях между знакомыми людьми, если нападение на улице случается, то для женщин все равно несоизмеримо выше шансы того, что оно будет связано с сексуальным насилием.

Интерактивные эффекты возраста и гендера позволяют предположить, что чувство небезопасности выше в более молодом возрасте (см. рис. 2) из-за вклада женщин, но не мужчин. Так, у женщин всех возрастов чувство небезопасности выдержано на примерно одном уровне (см. рис. 3), хотя и может иметь разное смысловое наполнение. Иначе говоря, молодые женщины в целом не чувствуют себя безопаснее пожилых женщин. А вот мужчины с возрастом приближаются к общему женскому уровню небезопасности.

Но молодые мужчины оказываются в двояком положении. С одной стороны, это наиболее привилегированная группа: молодые мужчины чувствуют себя безопаснее пожилых мужчин, а также вообще всех женщин. С другой стороны, они оказываются подвержены сильному нормативному давлению именно в связи с вопросами безопасности. Нормы маскулинности предписывают мужчинам быть уверенными, способными постоять за себя и защитить других, в первую очередь близких людей (Здравомыслова, Тёмкина 2018). В отличие от женщин всех возрастов

и пожилых мужчин, для которых открыто выражать чувство опасности и тревоги более приемлемо (а за «излишнюю» маскулинность женщины могут столкнуться с порицанием), эмоции и беспокойства мужчин активного трудового возраста подвержены большему социальному контролю. При патриархатном гендерном порядке привилегия молодых мужчин в ощущении личной безопасности оборачивается для них же ограничением — они не могут позволить себе испытывать или выражать опасения и страхи, «давать слабину». Таким образом, гендерный порядок делает молодым мужчинам предложение, от которого нельзя отказаться.

Кроме того, социальные ожидания стимулируют как мужчин, так и женщин давать социально одобряемые ответы на вопросы, связанные с чувствительными темами. В данном случае проблематизируется способность тактически противостоять опасности. Срабатывает ориентация на представления о том, что в таком контексте допустимо говорить людям с той или иной идентичностью. Иначе говоря, признание за собой чувства небезопасности может объясняться большей готовностью сказать об этом в ситуации интервью.

Большой уровень чувства небезопасности среди горожан в сравнении с жителями села может быть связан с тем, что в городах в целом происходит больше событий, больше степень неопределенности, большее количество обезличенной коммуникации с незнакомцами. Все это способно провоцировать больше ситуаций, потенциально воспринимаемых как опасные. Одно из объяснений наблюдаемой связи (его можно соотносить и с другими переменными) отсылает к внешним признакам неблагополучия: социального (ничем не занятые компании подростков) или физического (зброшенные здания, неухоженные улицы). Они могут восприниматься не только как маркеры дискомфорта, требующие усиленного внимания, но и как символы, указывающие на повышенную вероятность столкновения с нарушением прав, в том числе с преступностью (LaGrange et al. 1992). Однако, как уже было сказано, аналитическая стратегия сведения чувства небезопасности к страху перед преступностью связана с излишним упрощением. Отметим, что по средней категории (небольшие города и ПГТ) результаты смешанные в 2016 г. и незначимые в 2010 г. Это связано с проблематичностью определения статуса поселения. Хотя используются три идентичных категории, остается проблема упущения формальной типологией реального социального положения поселений. В реальности существуют как ПГТ, по многим признакам попадающие в категорию небольших городов, так и ПГТ, которые можно назвать крупными селами. Большие города и села противопоставлять друг другу легче.

Итак, основные выводы можно кратко сформулировать следующим образом. Усиленное чувство небезопасности стабильно (т.е. в трех или четырех выборках, относящихся к двум годам наблюдения) связано с женским гендером, более старшим возрастом, низким субъективным здоровьем, опытом виктимизации и проживанием в большом городе. Кроме того, в 2010 г. значим интерактивный эффект гендера и возраста: женщины любого возраста и пожилые мужчины больше подвержены чувству небезопасности, в отличие от молодых мужчин. Уровень образования не демонстрирует стабильной связи с чувством небезопасности (значимая положительная связь лишь в одной выборке).

Отдельно стоит сказать об изменениях в результатах моделей на данных разных лет. Если выше была показана неочевидность утверждения о снижении уровня чувства небезопасности, то сейчас обратим внимание на неочевидность наблюдаемых в разные годы паттернов связей между чувством небезопасности и социальными факторами. Несмотря на то что результаты избежали крупных противоречий (таким было бы, к примеру, изменение в 2016 г. направления эффекта виктимизации на противоположное), для более свежих выборок, во-первых, оказалась незначима интеракция возраста и гендера и, во-вторых, тем же набором факторов объясняется уже меньшая вариация зависимой переменной (коэффициент детерминации в таблице 3).

Поскольку за используемыми независимыми переменными стоит достаточно устоявшийся набор теоретических предпосылок, уменьшение их роли в объяснении вариации в восприятии безопасности обращает на себя внимание. Это может указывать на новые тренды, природу которых пока сложно идентифицировать, на новые факторы, определяющие восприятие безопасности, которые, возможно, приходят на смену известным. Может потребоваться ревизия теорий и предпосылок, начинающих слабее схватывать меняющуюся реальность. В связи с этим можно задать вопрос: не спадает ли актуальность акцента на уличных угрозах в изучении восприятия безопасности? Не уменьшается ли важность уличных угроз в условиях падения числа «традиционных» преступлений (грабеж, нападение, кража) по всему миру и бурного развития новых форм правонарушений, связанных с высокими технологиями (кража с банковских счетов, телефонное мошенничество, неправомерное получение данных)?

Таким образом, данные двух репрезентативных для России опросов показывают, что несмотря на снижение уровня чувства небезопасности среди всего населения, есть устойчивое неравенство в этой сфере между разными социальными группами. Результаты позволяют говорить о поддержке ряда гипотез, ранее сформировавшихся в литературе и проверен-

ных на российских данных впервые, тогда как предшествующие исследования имели ограничения по части данных и методологии. Сопоставление двух источников данных показало во многом схожие паттерны, нет радикально различающихся результатов, однако различия, возникающие в силу особенностей конкретных источников, требуют внимания. Проведенный анализ способен послужить опорой для дальнейших исследований восприятия безопасности в России. Ограничением статьи стоит признать сложность в достижении сопоставимости индикаторов экономического статуса респондентов между двумя опросами, что не позволило учесть соответствующие эффекты.

Выражение благодарности

Автор искренне благодарен Веронике Костенко за ценные комментарии и помощь в организации работы над статьей. Ответственность за качество статьи лежит полностью на авторе. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90063. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Литература

Багина Я.А. (2019) Страх и тревога как часть женских пространственных историй в городе. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 11(17): 46–60.

Волков В.В. (2012) *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гуринская А.Л. (2019) Цифровое управление в сфере обеспечения безопасности: восприятие молодыми гражданами новых стратегий полицейской деятельности в России. *Государство и граждане в электронной среде: труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. Вып. 3*. СПб.: Университет ИТМО: 116–131.

Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. (2018) Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 48–73.

Козырева П.М., Смирнов А.И. (2019) (Без)опасный квартал: как оценивается уровень уличной преступности. М. К. Горшков (ред.) *Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 17*. М.: Новый хронограф: 454–477.

Barni D., Vieno A., Roccato M., Russo S. (2016) Basic Personal Values, the Country's Crime Rate and the Fear of Crime. *Social Indicators Research*, 129(3): 1057–1074.

- Baumer T., DuBow F. (1977) *Fear of crime in the polls: What they do and do not tell us*. Northwestern University.
- Chadee D., Chadee M. (2016) Media and Fear of Crime: An Integrative Model. In: Chadee D. (ed.) *Psychology of Fear, Crime and the Media: International Perspectives*. L.: Routledge: 58–78.
- Ferraro K.F. (1996) Women's Fear of Victimization: Shadow of Sexual Assault? *Social Forces*, 75(2): 667–690.
- Ferraro K.F., LaGrange R. (1987) The Measurement of Fear of Crime. *Sociological Inquiry*, 57(1): 70–97.
- Hummelsheim D., Hirtenlehner H., Jackson J., Oberwittler D. (2011) Social Insecurities and Fear of Crime: A Cross-National Study on the Impact of Welfare State Policies on Crime-related Anxieties. *European Sociological Review*, 27(3): 327–345.
- Krulichová E. (2019) The relationship between fear of crime and risk perception across Europe. *Criminology & Criminal Justice*, 19(2): 197–214.
- Kujala P., Kallio J., Niemelä M. (2019) Income Inequality, Poverty, and Fear of Crime in Europe. *Cross-Cultural Research*, 53(2): 163–185.
- LaGrange R.L., Ferraro K.F., Supancic M. (1992) Perceived Risk and Fear of Crime: Role of Social and Physical Incivilities. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 29(3): 311–334.
- Rader N.E., Cossman J.S., Porter J.R. (2012) Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms. *Journal of Criminal Justice*, 40(2): 134–141.
- Reese B. (2009) Determinants of the Fear of Crime: The Combined Effects of Country-Level Crime Intensity and Individual-Level Victimization Experience. *International Journal of Sociology*, 39(1): 62–75.
- Semyonov M., Gorodzeisky A., Glikman A. (2012) Neighborhood Ethnic Composition and Resident Perceptions of Safety in European Countries. *Social Problems*, 59(1): 117–135.
- Smith T.W. (1978) In Search of House Effects: A Comparison of Responses to Various Questions by Different Survey Organizations. *Public Opinion Quarterly*, 42(4): 443–463.
- Stanko E.A. (1995) Women, Crime, and Fear. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 539(1): 46–58.
- Valentine G. (1992) Images of Danger: Women's Sources of Information about the Spatial Distribution of Male Violence. *Area*, 24(1): 22–29.
- van Kesteren J., Mayhew P., Nieuwbeerta P. (2000) *Criminal Victimization in Seventeen Industrialised Countries: Key Findings from the 2000 International Crime Victims Survey*. WODC / Ministerie van Justitie.
- Vauclair C.-M., Bratanova B. (2017) Income inequality and fear of crime across the European region. *European Journal of Criminology*, 14(2): 221–241.

Visser M., Scholte M., Scheepers P. (2013) Fear of Crime and Feelings of Unsafety in European Countries: Macro and Micro Explanations in Cross-National Perspective. *The Sociological Quarterly*, 54(2): 278–301.

Wheelock D., Semukhina O., Demidov N.N. (2011) Perceived Group Threat and Punitive Attitudes in Russia and The United States. *The British Journal of Criminology*, 51(6): 937–959.

INEQUALITY IN PERCEPTIONS OF STREET SAFETY IN RUSSIA

Arseny Verkeev (averkeev@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Verkeev A. (2021) Neravenstvo v vospriyatii (u)lichnoy bezopasnosti v Rossii [Inequality in perceptions of street safety in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(3): 169–192 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.8>.

Abstract. Imagine walking home alone on a dark street. How safe do you feel? This is one of the many questions that constitute the subject of research on perceived safety. Being often considered as an indicator of the quality of life and well-being of the population, perceived safety receives great attention from social scientists and practitioners. However, in Russia this area remains underdeveloped. With the help of regression analysis, this article addresses the relationship between socio-demographic factors (independent variables) and the perception of street safety (dependent variable) by different groups of the Russian population. The article draws on four nationally representative samples obtained via two survey projects in the years 2010 and 2016: European Social Survey (ESS) and Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE). Two sources of data enable for data triangulation and help to overcome the limitations of previous research on perceived safety in Russia that relied on narrow nonprobability samples. The results suggest that despite the overall decline in the level of feelings of unsafety, inequality in perceived safety remains stable in Russia. A more intense feeling of unsafety after dark in the area of residence is reported by: women; residents of large cities; older people; people with poor subjective health; people who have faced criminal victimization. No stable relationship was found between the feeling of unsafety and the level of education. In addition, interaction effects of age and gender and curvilinear effects of age are examined. Young men are the least susceptible to feeling unsafe. Older men have an increased feeling of unsafety as opposed to younger men but older women are no different from younger women in this regard.

Keywords: street safety, perceived safety, subjective safety, victimization, fear of crime, social inequality, social insecurity.

Acknowledgments

The author is grateful to Veronica Kostenko for her valuable comments and help with organizing the work on this article. Responsibility for the quality of the article lies entirely with the author. The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90063. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Bagina Y.A. (2019) Strah i trevoga kak chast' zhenskikh prostranstvennykh istoriy v gorode [Fear and Anxiety as a Part of Women's Spatial Stories in the City]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 11(17): 46–60 (in Russian).
- Barni D., Vieno A., Roccato M., Russo S. (2016) Basic Personal Values, the Country's Crime Rate and the Fear of Crime. *Social Indicators Research*, 129(3): 1057–1074.
- Baumer T., DuBow F. (1977) *Fear of crime in the polls: What they do and do not tell us*. Northwestern University.
- Chadee D., Chadee M. (2016) Media and Fear of Crime: An Integrative Model. In: Chadee D. (ed.) *Psychology of Fear, Crime and the Media: International Perspectives*. London: Routledge: 58–78.
- Ferraro K.F. (1996) Women's Fear of Victimization: Shadow of Sexual Assault? *Social Forces*, 75(2): 667–690.
- Ferraro K.F., LaGrange R. (1987) The Measurement of Fear of Crime. *Sociological Inquiry*, 57(1): 70–97.
- Gurinskaya A.L. (2019) Tsifrovoe upravlenie v sfere obespecheniya bezopasnosti: vospriyatие molodymi grazhdanami novykh strategiy politseyskoy deyatelnosti v Rossii [Digital governance of security: young citizens' perceptions of new policing strategies in Russia]. In: *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy sfere: Trudy XXII Mezhdunarodnoy obyedinennoy nauchnoy konferentsii "Internet i sovremennoye obshchestvo", IMS–2019. Sankt-Peterburg, 19–22 iyunya 2019 g. Vypusk 3* [State and Citizens in the Electronic Environment: Proceedings of the XXII International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS–2019, St. Petersburg, June 19–22, 2019). Vol. 3]. St. Petersburg: Universitet ITMO: 116–131 (in Russian).
- Hummelsheim D., Hirtenlehner H., Jackson J., Oberwittler D. (2011) Social Insecurities and Fear of Crime: A Cross-National Study on the Impact of Welfare State Policies on Crime-related Anxieties. *European Sociological Review*, 27(3): 327–345.
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2019) (Bez)opasnyy kvartal: kak otsenivaetsya uroven' ulichnoy prestupnosti [(Un)safe neighborhood: how street crime level is evaluated]. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushayasya: ezhegodnik: vyp. 17* [Russia reforming: yearly publication: volume 17]. Moscow: Noviy Hronograf: 454–477 (in Russian).
- Krulichová E. (2019) The relationship between fear of crime and risk perception across Europe. *Criminology & Criminal Justice*, 19(2): 197–214.
- Kujala P., Kallio J., Niemelä M. (2019) Income Inequality, Poverty, and Fear of Crime in Europe. *Cross-Cultural Research*, 53(2): 163–185.

LaGrange R.L., Ferraro K.F., Supancic M. (1992) Perceived Risk and Fear of Crime: Role of Social and Physical Incivilities. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 29(3): 311–334.

Rader N.E., Cossman J.S., Porter J.R. (2012) Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms. *Journal of Criminal Justice*, 40(2): 134–141.

Reese B. (2009) Determinants of the Fear of Crime: The Combined Effects of Country-Level Crime Intensity and Individual-Level Victimization Experience. *International Journal of Sociology*, 39(1): 62–75.

Semyonov M., Gorodzeisky A., Glikman A. (2012) Neighborhood Ethnic Composition and Resident Perceptions of Safety in European Countries. *Social Problems*, 59(1): 117–135.

Smith T.W. (1978) In Search of House Effects: A Comparison of Responses to Various Questions by Different Survey Organizations. *Public Opinion Quarterly*, 42(4): 443–463.

Stanko E.A. (1995) Women, Crime, and Fear. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 539(1): 46–58.

Valentine G. (1992) Images of Danger: Women's Sources of Information about the Spatial Distribution of Male Violence. *Area*, 24(1): 22–29.

van Kesteren J., Mayhew P., Nieuwbeerta P. (2000) *Criminal Victimization in Seventeen Industrialised Countries: Key Findings from the 2000 International Crime Victims Survey*. WODC / Ministerie van Justitie.

Vauclair C.-M., Bratanova B. (2017) Income inequality and fear of crime across the European region. *European Journal of Criminology*, 14(2): 221–241.

Visser M., Scholte M., Scheepers P. (2013) Fear of Crime and Feelings of Unsafety in European Countries: Macro and Micro Explanations in Cross-National Perspective. *The Sociological Quarterly*, 54(2): 278–301.

Volkov V.V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskiiy analiz* [Violent entrepreneurship, XXI century: economic-sociological analysis], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Wheelock D., Semukhina O., Demidov N.N. (2011) Perceived Group Threat and Punitive Attitudes in Russia and The United States. *The British Journal of Criminology*, 51(6): 937–959.

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2018) Chto takoe "maskulinnost"? Ponyatiyniye otmychki kriticheskikh issledovaniy muzhchin i maskulinnostey [What is "Masculinity"? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiiye i Sotsial'nye Peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 48–73 (in Russian).